

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Понаехавшая

«В начале было Слово». (Евангелие от Иоанна, Ин 1:1)

Слова были на мамбе, слов было много, слова заплетались в кружева и орнаменты, слова парили птицами ввысь и ныряли рыбами в пучину вод, слова сияли яркостью звезды по имени Солнце и оттенялись бледностью планетарного спутника по имени Луна.

Я готовил московскую поездку (вернее, ее сексуальную часть) ранней весны 2011 года. И несмотря на март месяц, зима еще была сильна: холодно, ветрено, сумрачно и как-то безысходно.

Наконец-то наступил просвет в делах, наконец-то слова прозвучали не клавиатурным набором на экране монитора, а акустическими волнами в динамиках сотовых телефонов, и наконец-то поздним вьюжным вечером я отправился в путешествие местного масштаба: электричка в область, маршрутка до дальнего квартала и еще минут пятнадцать пешком — по заснеженным безлюдным улицам под тусклый свет многократно подвергшихся децимации фонарей.

Зато тепло и даже жарко на квартире у пригласившей меня в гости женщины.

Двухкомнатная съемная хрущоба, где хозяйские вещи свалены в одну комнату и заперты, а во второй — нехитрый скарб проживающей временно... а это «временно» всё длится и длится.

— Слушай, сними пиджак, жарко же. Или не согрелся еще с улицы? — еще до того, как были наполнены бокалы вином. — Галстук не мешает? Сними, не стесняйся, не на дипломатическом приёме, — после второго тоста. Сама в халатике, готов биться об заклад, на голое тело, но разрез декольте минимален, а подол на уровне колен не дает убедиться в этом достоверно. — Ах, как ты хорошо пахнешь! Чем? Не чем, а кем. Мужчиной, — не помню после какого, но привлеченная моей рукой на плечо, расстегивает рубашку, ерошит руками мех, вминается в него лицом, жадно вдыхает запах и целует грудь, шею, плечо, щеку, но аккуратно избегая поцелуя в губы, и пропуская мою руку под подол для знакомства с бедрами, но пока никак не выше. — Не торопись. Пожалуйста.

Просьбе с такой преданно-трогательной интонацией и покорно-нежному взгляду черных очей с миндалевидным разрезом отказывать нельзя. Грех. В рамках любой религии.

Она словно спешит выговориться, опасаясь, что я забуду свое обещание не торопиться, и все же в ускоренном темпе потащу ее к положенному набок большому шкафу, накрытому матрасом и застеленному белоснежным бельем, играющему роль кровати в этом кратко/долго временном жилище. Члену действительно не терпится, тем более собеседница в такт рассказу то пожимает его через ткань брюк, то постукивает пальчиками, то проводит вверх-вниз дразнящими касаниями. Но я зачарованно слушаю историю ее личной жизни, которая началась еще тогда, когда над страной развевался единый красный флаг с серпом и молотом, страстно, с любовью, но, увы, недолго, и продолжается с переменным успехом вот уже 20 лет с разорванной символикой: превратившимся в двуглавого орла молотом и в полумесяц серпом.

Раннее замужество, рождение двоих детей еще до 20 лет, тем не менее не брошенный, а законченный институт и упорное стремление работать по специальности (врач-бактериолог), пусть даже с грошовой оплатой, пока челночивший по-черному муж пытался много лет наладить бизнес то с бескрайней Россией, то с не менее загадочным Китаем. Первая измена:

не столько с голодухи (многомесячные отсутствия мужа были регулярны), сколько от неумения отказать настойчивому коллеге. Вынужденная смена места работы (но не профиля, пусть даже ценой потери пары часов на дорогу), когда умение сказать «нет» превратило настойчивость в злость и болтливость. Наконец-то наладившийся к рубежу веков бизнес мужа, совпавший с его охлаждением к супруге. Не до развода, нет. Она до сих пор формально мужняя жена. Но наличие свободной денежной наличности позволило ему практически не скрываясь, заводить любовниц, а может, вторых-третьих жен. Неожиданная, как снег на голову, беременность (это ж надо, вдруг мужу вздумалось трахнуть ее вагинально, тогда как уже годами практиковался только анал) и рождение третьего, сравнительно позднего (когда в Европах только-только задумываются о первом) ребенка. Ее отрады и счастья. Который сейчас живет у ее сестры, и ради которого она вот уже несколько лет работает в Подмоскowie, терпя косые взгляды и откровенное хамство, ограничивая себя во всем, лишь бы иметь возможность делать ежемесячные денежные переводы и надеясь на премию к отпуску, чтобы раз в год увидеться со своим кровинушкой.

— Годами только анал? — встрепенулся я. — Это у мужа твоего такие предпочтения? Или ты сама любительница именно туда? — Своих мусульманок вспомнил? — усмехнулась она. — Помню, помню. У нас это самый распространенный вид семейного секса. Даже не обсуждаемый в принципе. Любая девушка знает, вначале муж будет заниматься с ней сексом обычным образом, она родит нескольких детей, а потом, что бы там ни кричали муллы о воле Аллаха или госчиновники о повышении демографии, какая б ни шла пропаганда контрацепции с помощью резинок, спиралей или таблеток, основным видом семейного секса становится анальный. Есть, конечно, какая-то прослойка образованного населения или смешанных браков, практикующих минет или прерванный акт или медицинские способы предохранения, но абсолютное большинство населения и нашей республики, и всех соседних, воспринимает анальный секс как единственно возможную альтернативу нежелательной беременности. Я знаю там женщин, и среди знакомых, и подруга одна есть близкая, настолько консервативно настроены, что принципиально не берут в рот. Но чтоб кто-то, будучи в браке не с религиозным фанатиком, стремящимся расплодиться по всему миру, отказывалась бы давать мужу в зад, — она чуть сделала паузу, видимо пытаясь вспомнить, встречались ли ей такие, — нет, не припомню. Нравится — не нравится, терпи, моя красавица! — процитировала с кривой улыбкой.

Сексуальная тематика беседы оказала благотворное влияние на перевод отношений в постельную плоскость, и после посещения ванной комнаты я явился пред ее ясны очи, лежащей без халатика с небрежно наброшенной простыней, во всей мужской красоте (или уродстве): лысый, пузатый, похотливо улыбающийся ее наготe, мохнато-оволощенный всем телом, и с гордо торчащим вперед стержнем, стремящимся познать тело новой женщины, после того как мозг хозяина начал познавать ее душу. Мы поцеловались в губы, я с охотой потискал и засосал ее груди, весьма неплохие (2 — 2.5 размера) для ее скромной комплекции невысокой и неполной женщины, был сделан небольшой минет для затравки как наглядное свидетельство ее принадлежности к образованным кругам населения, и затем я лег на нее в классической позе.

— Без резинки, да? — не то осуждающе, не то констатируя факт, прошептала она, водя моим членом по своим половым губам, с каждым движением помаленьку их расширяя и внедряя в манящие глубины. — Не кончай только в меня, хорошо? — Знаю, — ответил я. — До

кончания еще ой как далеко...

Есть что-то уютно-домашнее в банальной миссионерке, что ни говорите. Она с умилением смотрит на мой член, ласкает головкой свои соски, еще немного сосет причмокивая и лаская рукой яйца и пониже. Затем, уперевшись руками об мои плечи, приподнимает поясницу над моим членом, и теперь уже я, сжимая его у основания, легкими движениями развожу вширь ее половые губки и тазовым поддаванием проникаю внутрь миллиметр за миллиметром. Даже удивительно, у трижды рожавшей женщины такой узкий вход. Или же причиной тому частый анал и манкирование основным входом?

Ну что, поскакали? Шагом, рысью, галопом, и наконец, в карьер без оглядки на овраги и буераки. Ее глаза блещут страстью, ее груди описывают круги в противоход, ее маленький носик раздувается от прерывистого дыхания. Чем могу помочь при такой скачке к оргазму? Да много чем, хоть что-то будет в жилу. Потягивание ли сосков, ласкание ли бедер и попы (насколько дотягиваюсь), задевание ли клитора пальцами (но с опаской, при таком темпе немудрено и боль причинить), свое ли поддавание снизу, но результат благоприятный: она дважды с резким «аах», «аах», вжимается поглубже, затем ее тело сотрясается с протяжным «ууууу», и замерев статуей на какое-то время, она падает мне на грудь и лежит так с неподвижной мимикой, но содрогающимся телом. Член из нее выскальзывает, но наступившему оргазму это не помеха: мне не хочется размыкать рук, плотно ее обнявших и прижавших к себе, а ей, видимо, тоже лень делать лишние движения и заправлять его в себя, тем паче, что мавр уже сделал свое дело...

Мужикальную паузу мы проводим на кухоньке, за шампанским и мороженым (вино и конфеты кончились). Она все ж набросила халатик, после того, как мы с жадностью, до дна выпили первые бокалы холодного шипучего напитка, а я так и сижу голым, с приятностью воспринимаю то удовольствие, с которым она временами гладит мое тело или играетя членом. В беседе затрагиваются темы:

— минета. Говорит, что далеко не всем своим партнерам она сосала (многие об этом и не просили, особенно выросшие на старых дворовых понятиях), у мужа стала брать в рот только после рождения второго ребенка и перестала после ссоры по поводу неожиданного зачатия третьего. А я так вообще первый, кому был сделан минет при первой же встрече, да еще и до начала собственно секса с проникновением. Признается, что любит сосать, любит как бы благодарить мужской орган за доставленное удовольствие, но типа невзначай упоминает, что не любит принимать сперму в рот, от вкуса и запаха семенной жидкости ее воротит. Жаль моего излюбленного «стой-давай», на что я, конечно же, надеялся, тем более при озвученном «в меня не кончай», но что поделать, реноме надо блюсти.

— куннилингуса. В ее практике — редчайший случай. Бывший до того лишь с одним из любовников (муж не делал никогда, как и большинство мужчин ее родных краев), совсем недолго и в его хмельном кураже. Удивлена, что на мамбе так много подобных предложений, но чувствует какой-то подвох и никогда не откликается на приветы от таких анкет. Наивно (или типа наивно, все-таки врач с высшим медицинским образованием) интересуется у меня, насколько реально (именно в жизни, а не в кино или в книжках) довести таким образом женщину до оргазма, и услышав мой ответ, что «да, вполне реально, если клиторальный оргазм как таковой доступен женщине», покраснев, кивает на мой вопрос, может ли она сама себя доводить пальчиком (но, кстати, очень резко отреагировала на возможность использования straponов для самоудовлетворения, прям как на отродье шайтана), и тут же

переводит разговор на другую тему. Что ж, возьмем на заметку.

— мужчин. Услышав, с какой легкостью она упоминала в разговоре «мои любовники» или «мой партнер», я подумал, что их было (особенно после переезда в Россию, где уже давно достигнут уровень невмешательства в частную жизнь взрослых людей) более чем достаточно. Как оказалось (с ее слов, конечно), суммарно за всю жизнь у нее было не больше 10 мужчин. Из них трое или четверо — разовые-проходные, в тот период жизни в родных краях, когда она была уверена, что развод неминуем и даже хотелось немного дать для этого повод, но без членовредительства и особых скандалов, могущих отразиться на детях. Им она представлялась не настоящим именем, давала левый номер телефона, который меняла, как только желала оборвать связь.

Здесь же за почти три года у нее был один постоянный любовник (или могущийся считаться таковым при посещении дважды в месяц), муниципальный чиновник одного из подмосковных районов, но довольно далеко находящийся географически, добрый и хороший человек, помогающий не только дружбой-участием-сексом (последнее в силу возраста под 60 было уже не так актуально), но иногда и материально, особенно к праздникам и дням рождения, ее и детей. Второй — мутный тип лет на пять младше нее, полубогемно-полукриминальный деятель-антиквар, появляющийся еще реже, чем первый (дважды в год, как подозревала она, только тогда, когда дела приводили его в ее район), но безупречный мачо и самец в постели. Ну и как-то гостил на недельку муж, приехавший по своим делам, решивший сэкономить на гостинице и путанках. Вот, собственно и весь перечень ее партнеров, к которым в тот день добавился я.

— Но послушай, в Москве и области много твоих земляков, — попытался я расширить круг ее интимных знакомых, — да и Интернет сейчас не редкость, с каждого телефона доступен. Твоя анкета на мамбе ничем не хуже других женских анкет, одним из пунктов в которых указан «секс», следовательно, должен быть типичный мужской интерес. Причем двойной интерес: для местных жителей ты невиданная экзотика, а для живущих тут земляков — своя, женщина с привычным менталитетом и владением родным языком. — Как ты думаешь, DD, большинство живущих тут моих земляков кто? Доктора? Доценты? Инженеры? Архитекторы? Музыканты? — грустно улыбнулась она. Я развел руками. — Ну вот то-то же. Я понимаю, что не от хорошей жизни они уехали, что каждый стремится заработать копеечку и отправить домой, прокормить семью. Может, и есть среди них достойные люди, но дворники и чернорабочие на стройках не вызывают у меня женского влечения.

— А москвичи? — Москвичей не хватает даже на москвичек, — резонно ответила она. — И потом, посмотри здраво, отбрось свои любимые комплименты. Я разве суперкрасавица? Бесподобна телом и лицом? Демонстрирую уникальные навыки секса? Публикуюсь в философских и медицинских альманахах? Я самая обычная женщина, уставшая от жизни и судьбы, работающая на износ ради детей, в чужом городе, чужом климате, чужих обычаях, на грошовой работе, куда местные брезгуют идти. Мне не нужен ни принц на белом коне, ни пророк на ишаке. Мне нужна капелька моего женского счастья. Поговорить, расслабиться, получить удовольствие. И чтоб потом с чистой совестью сказать: «Спасибо, до свидания!». Я не могу по щелчку пальцев каждого желающего поехать в Москву. А в нашу глухомань кто потащится? Ты себя в пример не приводи, не надо. Не так ты себя ведешь. А знаешь, как себя ведут москвичи? Да, выезжала я первое время в Москву, встречалась в кафе, пила чай-кофе, выслушивала разные мнения. Знаешь, как в политике, точно. «Патриоты» и «либералы».

Первые начинали с ходу хвалить свое русско-православное и осуждать мое национально-религиозное. Я сама не верующая, получила иммунитет пионерским детством и комсомольской юностью. Потом у нас были долгие годы возвращения к истокам. Как, собственно, и здесь. Но раз я не поддавалась там за эти годы, так тем более не поддамся вследствие единственной беседы. Да и вообще, странная тактика для завлечения женщины в постель — критика и осуждение. Вторые наоборот. Ругали скорее себя и своих (что неприятно вдвойне), и побуждали, отринув стыд и смущение, нормы морали и поведения, окунуться в безудержный разврат с любым партнером, в любой среде, в любых обстоятельствах. Я не религиозная фанатка и не истовая националистка, но у меня есть принципы. Свои, личные. Какой мужчина мне годится, какой окажется симпатичен, с кем я соглашусь лечь в постель. И разовая беседа, опять-таки, не в силах их поменять.

— женщин. Этот подраздел совсем краток. Групповой секс любого формата и лесби-отношения она считала для себя неприемлемыми. Точка.

Вторая серия секса началась тоже с легкого минета, но еще за столом. Затем мы перебазировались на постель, освоили позу раком для вагинального и анального проникновения. Последнее совсем чуточку, несмотря на легкую опьяненность вином и шампанским, я смог подметить, что анал с ней не пошел, возможно, перебил ее движение к удовольствию после перетыкания дырочек. Доводил я ее до оргазма уже языком, причем довольно долго, чередуя под конец оральные ласки с мануальными, но добился-таки ее пика, и особого ее восторга по поводу познания нового. Тонкий крик-писк, сияющие глаза и восхищенный шепот: — Вот это да! Получилось! Здорово! — искупили неинтересность моего второго кончания, додрачиванием на ее крепкие ягодицы.

Рухнув как подкошенный рядом с ней, я нашарил скомканную и отброшенную к стене простыню-одеяло, натянул на нас, и мы провалились в сон. Было около 3 часов ночи. 7 утра. Пипиканье будильника. Подъем. Душ. От зеленого чая отказываюсь, и от пары печенюшек на завтрак тоже. Думал, что мы вместе выйдем и путь хотя бы до остановки пройдем вместе. Но она ласково, но твердо попросила меня уйти первым и пораньше. Отговорилась, что нанесение косметики и женский марафет более интимное занятие, не подходящее для мужских глаз. Может, и на самом деле так. А может, она ждала в гости своего постоянного, или же не хотела, чтоб нас видели вместе. Так или иначе, чуть склонившись к ней, последний раз целую перед дверью припухлые губы и выхожу в морозное утро подмосковного городка, стараясь воспоминаниями о жаркой ночи и теплой встрече отгородиться от холодной стужи северного климата.

Держись, моя милая девочка Зуля! Доктор Зульфия, женщина-врач, «понаехавшая» в суровую столицу, не верящую слезам Москву из солнечного Узбекистана, найдешь ли свое счастье?

«Поистине, те, кто уверовал и творил добрые дела, — им Милосердный дарует любовь».
(Святой Коран, 19: 96)